

Сейчас этот город называется Гулистан, а в советское время назывался Кайраккум. Вообще-то это даже не город, а агломерация из трех сросшихся городков — Кайраккум, Ленинабад (ныне — Худжанд) и Чкаловск (ныне — Бустон). Тогда это мне показалось странным и удивительным. Мне было восемь лет, и я искренне не понимал, как один город может быть тремя городами. Зачем нужна вся эта путаница? Где кончается один населенный пункт и начинается другой? «Тогда» — это в 1985 или 1986 году. Моя мать только вышла замуж за моего отчима, и это было своего рода их свадебное путешествие, обремененное моим присутствием.

Бог знает, что надоумило их выбрать для «медового месяца» именно это загадочное «Таджикское море». Так называют Кайраккумское водохранилище. Для меня, на тот момент не видавшего никаких морей, оно действительно было морем, хоть вода в нем была пресной, а на другом берегу проступали в солнечном мареве далекие горы.

«Море» было главной достопримечательностью для нас. Уж не знаю, почему мы не уделяли времени древним согдийским памятникам, старым мечетям и крепостям, сохранившимся в этих местах, каждый день отправляясь одним и тем же маршрутом к водохранилищу. Впрочем, мне, впервые погрузившемуся в среднеазиатский колорит, впечатлений и так хватало. Я хоть и родился в Узбекистане, но мне еще не исполнилось трех лет, когда мать развелась с отцом и перевезла меня в Барнаул. Единственное мое «узбекское» воспоминание (и, пожалуй, первое воспоминание в жизни) — исход — картина вечернего или даже ночного аэропорта: мама со мной на руках бежит к трапу самолета. Похоже, опаздывает. Больше ничего оттуда не помню, да и не исключено, что и это воспоминание я себе выдумал. Так что в Таджикистане для меня все было новым, экзотическим, сказочным. Но, пожалуй, стоит начать по порядку.

Погружение в Среднюю Азию было постепенным. Из Барнаула (пусть вас не сбивает с толка среднеазиатская нотка в названии этого сибирского города) мы отправились поездом в Алма-Ату. Тогда впервые из окна купе я мог видеть бескрайнюю степь, бредущих по ней одnogорбых верблюдов, крутящиеся воронки песчаных смерчей и разливающееся по всему небосводу грандиозное пламя закатов.

В Алма-Ате мы провели почти целый день. Прежде всего там мне запомнились горы — высоченные, синие, с белыми снежными шапками, воздымавшиеся над городом до самых небес. Что степь, что горы поражали своими масштабами, делали нас, людей, и все человеческое ничтожным и мизерным. И безмерность пространства свидетельствовала о безмерности времени, в котором пропадала, словно песчинка, преходящая жизнь человека. Эти ощущения заорожили меня. Было немного страшно и неудобно на фоне такого величия природы, но в то же время ее красота вселяла в душу какую-то трепетную надежду, неизъяснимую возможность вечности. Может быть, это и есть подлинная цель всякого путешествия — не прозаичный путь из точки А в точку Б, не пункт назначения, а все, что между, все, что вокруг, — прикосновение к бесконечному, предчувствие тайны.

Но потребность в самосохранении неизменно отрывает путника от высокого и возвращает к маленьким земным радостям. Из таких в Алма-Ате мне запомнилась прогулка по роскошному ботаническому саду, где впервые в жизни мне довелось отведать «корейской морковки» (морковка была аутентичной, сделанной настоящими корейцами, и жутко острой, не то что нынче продают у нас в магазинах). И хоть рот мой горел после нее в течение целого часа, я потребовал от матери обещания, что она непременно завладеет рецептом этой закуски и будет готовить мне ее дома. Также я узнал, что название города Алма-Ата переводится как «отец яблок» — тоже весьма необычный образ, запавший мне в душу. Как, разве у яблок бывает отец, и кто же тогда их мать? — вопрошал я себя. И мне представлялся проступающий среди гор полупрозрачный силуэт азиатского старца с огромными яблоками в руках. Мама сказала, что именно здесь произрастает знаменитый яблочный сорт, который раньше мне доводилось пробовать. Гигантские ароматные и мягкие яблоки, размером почти с мою детскую голову. Теперь, говорят, этот сорт вывелся, а жаль.

Кажется, это всё, что запомнил я из Алма-Аты.

Дальнейший наш путь мы проделали на самолете. Самолет был относительно небольшой, какая-то из разновидностей «Ан». Его пропеллеры гудели так громко, что трудно было разговаривать внутри салона. Приземлились в аэропорту города Чкаловска. Помню, когда мы вышли наружу, в лицо мне ударил горячий ветер. Я словно очутился на другой планете и не представлял, как здесь можно дышать и вообще жить. +40 градусов летом здесь было делом вполне обычным. Никогда раньше я не испытывал такой жары и кое-как дошел от самолета до здания аэропорта.

Дальнейший наш план был прост: из Чкаловска взять такси до Кайраккума и снять там жилье у частных поближе к водохранилищу. Однако когда мы сели в такси, нас ожидал неприятный сюрприз. По дороге нам бросалось в глаза множество разрушенных строений, словно город пережил мощную бомбардировку. Вокруг рухнувших зданий и просто по обочине дороги располагались многочисленные металлические бытовки, в которых ютились местные жители. Не представляю, как на такой жаре жилось им в этих раскаленных вагончиках.

— Что это? — спросили мы у таксиста.

— Как? Вы не знаете? — удивился он. — Прошлой осенью у нас было землетрясение.

Нет, почему-то мы этого не знали. Видимо, советская пресса не очень широко освещала это событие. В скудных сведениях, которые мне сейчас удалось разыскать об этом событии, говорится о 29 погибших и около ста раненых. Но судя по масштабам разрушений, которые мы могли видеть, скорее всего, жертв было намного больше. Официальные данные говорили о мощности толчков в восемь баллов. Местные уверяли, что сила землетрясения достигала 9,5 баллов и специально занижалась властями, чтобы не впускать «Красный Крест» и другие международные организации.

Мы были поражены зрелищем людской беды, вездесущих руин и нашим собственным печальным положением. Если верить словам таксиста да и своим глазам — шансы найти жилье стремились к нулю. Тоже мне — «туристы» приехали. Тут местным жить негде, а что говорить о нас. Я заметил, как побледнели мой отчим и моя мать. Да и сам я, вероятно, тоже. Впервые в жизни я мог наблюдать воочию последствия настоящей катастрофы — катастрофы страшной, нечеловеческой, вызванной необъяснимой прихотью природы. Природа словно снова говорила мне о ничтожности и зыбкости нашей маленькой жизни.

Но что было делать? Мы были голодны и попросили таксиста высадить нас возле уличного кафе на главном Кайраккумском проспекте. Время близилось к вечеру, и кафе уже готовилось к закрытию. Мы оказались последними посетителями, из еды для нас нашлись только остывшие манты. Покончив с ними, мы какое-то время сидели в ступоре, не зная, что предпринять, измученные жарой и подавленные ситуацией.

Кафе закрывалось, и совершенно неясно было, что дальше делать, куда идти. Не знаю, почему родители не рассматривали вариант гостиницы, возможно, не располагали соответствующим бюджетом, а может, все гостиницы были просто забиты. Помню только, что мы были в отчаянии. И даже моя детская тяга к приключениям не утешала меня. Приключения хороши в воображении, а не когда ты сталкиваешься с по-настоящему

затруднительной ситуацией в чужом городе. Я уже представлял себе бесприютные скитания по жарким улицам и бездомный ночлег под открытым небом. Было немножечко страшно. А родители, кажется, всерьез рассматривали возможность возвращения назад в аэропорт. Похоже, их «медовый месяц» терпел крушение, не успев начаться.

Ничего не оставалось, мы взяли наши сумки и чемоданы и собрались идти куда глаза глядят. На выходе из кафе нас догнала женщина — та, что обслуживала наш столик. Женщина была русской (примерно половина населения города на тот момент были русскими, другая часть — таджики и узбеки. Сейчас, наверное, русских там совсем мало).

— Не переживайте, — сказала она. — У меня есть свободная комната, вы можете в ней пожить. Пройдите вперёд по проспекту одну остановку и дождитесь меня там.

Видимо, она не хотела, чтобы ее коллеги узнали о том, что она решила нас приютить. Мы так и сделали. А что нам еще оставалось? На наших лицах заиграла надежда. Жизнь налаживалась. Все-таки мир не без добрых людей, а Советский Союз — особенно.

Долго нашу спасительницу нам ждать не пришлось. Она быстро закончила свои дела на работе и повела нас к себе домой. По дороге она попросила нас, чтобы для посторонних мы выдавали себя за ее родственников, приехавших погостить. Иначе соседи ее не поймут. Столько людей вокруг находилось в бедственном положении и нуждалось в крове, а она дала приют каким-то приезжим праздным незнакомцам. Мы, разумеется, с благодарностью приняли ее условия. К стыду своему, теперь я не помню имени спасительницы, а между тем, за все время, что мы у неё прожили (около трех недель), она не взяла с нас ни копейки, несмотря на все старания родителей вручить ей деньги. Ситуация довольно неловкая, но таково было время, таковы были люди.

Однако для меня радость от обретения крова была немного омрачена одним неприятным обстоятельством. Пока мы шли на квартиру, мама отвела меня в сторону и потихоньку сказала:

— Обещай мне, пожалуйста, что теперь ты будешь называть дядю Валеру «папой».

Понятно, ей хотелось перед посторонними создать образ благополучной и целостной семьи. Мне пришлось пообещать, хоть это было совсем нелегко. Отношения с отчимом у меня не ладилась. Больно тяжелым был у него характер, он стремился вечно держать все под контролем, что плохо вязалось с моим разгильдяйством. Я почувствовал в этой просьбе матери какое-то предательство. Я больше не мог называть отчима «дядей Валерой», но и «папой» называть его язык у меня никак не поворачивался, и за всю жизнь я назвал его так, может быть, раза три, каждый раз испытывая внутреннее противоречие и досаду. Поэтому я вообще избегал каких-либо обращений, и подобная анонимность и безликость общения затянулась на долгие годы, заметно утяжеляя наш быт.

Добрая женщина, приютившая нас, жила неподалеку, одна в двухкомнатной квартире на втором этаже пятиэтажной «хрущевки». Точно такая же соседняя «хрущевка» представляла из себя груды развалин. Сама хозяйка спала в маленькой комнате, а нас разместила в проходном зале. Так началась наша «курортная жизнь» в городе, почти наполовину стертом с лица земли землетрясением.

Что представляла собой эта «курортная жизнь»? Как я и сказал в начале, — почти ежедневные посещения водохранилища и купание в нем. По дороге туда (иногда пешком, иногда на автобусе) мы неизменно посещали местный базар, где запасались фруктами — сахарными дынями, сочными персиками, спелыми гранатами и виноградом разных сортов. Помню точно, вкус здешних фруктов не шел ни в какое сравнение с теми, что мы могли добыть на наших сибирских рынках. Также на базаре мы ели душистый, только что испеченный в тандыре таджикский лаваш, усыпанный кунжутными семечками, поглощали массивные и невероятно дешевые шашлыки или люля-кебаб, иногда заходили в кафе: кушали плов, манты или лагман (помню, как, впервые пробуя его, подавился непривычно длинной лапшой). В общем, как могли, наслаждались всеми дарами Востока.

На галечном пляже недалеко от дамбы, где бирюзовая Сырдарья переходила в «Таджикское море», устраивали пикники. Обычно, кроме нас, на пляже не было почти никого, или это сейчас мне так кажется. С другого берега в начале водохранилища отправлялся вдаль прогулочный теплоход, но мы почему-то на нем так ни разу не сплавали. Хотя вроде бы собирались.

В «Таджикском море» я учился плавать. До этого я учился немного в бассейне. Но это не в счет. Большая вода — совсем другое дело. Я до сих пор побаиваюсь всякого моря, не признавая в нем близкую для себя стихию. Мне кажется, что там, под водной поверхностью, обитает нечто не то чтоб враждебное, но кардинально иное, потустороннее, и что подводный мир также запрещен и чужд человеку, как, скажем, открытый космос. А в глубине этого «моря» точно таилось что-то недоброе, чувствовал я. Ведь именно здесь, под водой находился эпицентр минувшего землетрясения; что-то темное, какое-то хтоническое чудовище проснулось там одним вечером и сотрясло все вокруг своей мощью, заставляя твердь земли пойти трещинами, сбрасывая с себя хрупкие человеческие городушки. А вдруг оно проснется опять? Схватит меня за ногу и утащит в свою темную безрадостную пучину?

Не помню, чтоб, за исключением первых дней, я сильно мучился от жары. Наверное, быстро обвыкся, а может, просто память не сохранила этих деталей в силу их несущественности. Что же тогда было существенным? Да почти все, что отличало местный быт от привычного нам сибирского. Помню арыки с прозрачной водой, идущие вдоль каждого тротуара. Вода в них такая чистая, что, кажется, ее можно пить (что иногда позволяли себе местные ребятишки). Кое-где от арыков отведены запруды и сделаны небольшие бассейны, в которых плескалась таджикская детвора. Помню, как меня впечатлил поход в летний кинотеатр под открытым небом, расположенный прямо во дворе по соседству с домом, в котором мы жили. У нас в Барнауле такого не было и быть не могло — климат слишком непредсказуемый, летом много дождей. Помню, что я не столько смотрел кино (наверно, оно было не очень-то интересным), сколько созерцал общую обстановку и наблюдал за ласточками, мечущимися по вечернему небу. Помимо этого «официального» посещения кинотеатра

с родителями, позже с моим товарищем мы предпринимали «незаконные» вылазки и смотрели кино (хоть убей, не вспомню — какое, ибо куда больше меня увлекал сам процесс), забравшись на ограждение кинотеатра. Это было обычным делом для местных пацанов, а для меня — замечательным приключением. Помню еще, что вместо привычных голубей на местных улицах обитали более мелкие и изящные горлицы и что вместо привычных берез, кленов и сосен здесь повсюду росли южные вытянутые тополя и чинары.

Но больше всего меня завораживало присутствие другого времени и другой культуры, существовавшей здесь параллельно с вполне понятной и знакомой советской культурой: островки аутентичной жизни — чайханы, в которых на коврах восседали степенные старцы в халатах и тюбетейках, распивая зеленый чай, таджикские девчонки в национальных костюмах, с бесчисленными тонкими косичками, свисающими с головы, увешанные бусами и множеством блестящих украшений. Все эти люди словно были сделаны из другого теста, нежели мы, словно жили в другой эпохе, в сказочном мире старика Хоттабыча и Хаджи Насреддина. Они были очень чужими (многие даже не говорили по-русски) и немного пугающими (особенно старики, в силу сходства с «бабайками», которыми пугали меня в младенчестве), но в то же время удивительно притягательными. Будто еще была возможность пройти вслед за ними в их древний, исчезающий мир.

Ну и конечно, особенной «изюминкой» всей этой реальности были повсеместные развалины, оставленные землетрясением. Что-то ужасное было погребено под ними, столько нарушенных и сломанных жизней, но одновременно — для моего детского сознания — что-то таинственное и зовущее, словно останки канувшей в Лету неведомой цивилизации.

Скорее всего, однообразный ритм нашего с родителями отдыха быстро наскучил бы мне (да и они, наверно, нуждались в свободном от меня времяпровождении), если бы уже в первые дни этих каникул у меня не появился здесь друг. Назовем его Валькой,

я не ручаюсь, что помню его настоящее имя. Но, кажется, его звали именно так. Он был моим сверстником и жил в том же доме, где мы и наша хозяйка, через один подъезд. Мы как-то быстро снюхались с ним, и уже через неделю нашего здесь пребывания я отпрашивался у мамы «погулять с Валькой», спокойно жертвуя ради этих прогулок походами на «море». Что нередко мне позволялось. И отныне, благодаря Вальке, я мог находиться в Кайраккуме уже не в качестве туриста, а постигать местную жизнь, что называется, «изнутри».

С Валькой мы проводили много времени вместе. Теперь я мог свернуть с прямой линии главного проспекта, ведущего к водохранилищу, и мне открывались тайны местных дворов и подворотен. Я, конечно, мало что помню. Только отдельные моменты, самые яркие картинки. Про кинотеатр я уже рассказал. Именно Валька был тем товарищем, который показал секретный лаз к халявному зрелищу. Также мы с ним забирались по пожарной лестнице на крышу нашего дома, совершали набеги на местные виноградники, прыгали по гаражам. А иногда последние два занятия объединялись в одно, так как многие местные выращивали виноград прямо над своим гаражом. Помню, как мы лежали под сенью виноградных вьюнов на крыше одного гаража в нашем дворе, а в метре над нами висели зеленые недозревшие гроздья. Нужно было только протянуть вверх руку и сорвать лакомство. Правда, нас оттуда прогнал хозяин — рассерженный дядька, размахивающий палкой:

— Что же вы, сволочи, делаете?! Дайте ему хоть дозреть!

Погоня была делом не менее увлекательным, чем вкушение запретных плодов. Мы от него легко убежали, хотя не уверен, что он всерьез намеревался догнать нас. Но помню, как вслед за нами неслись, словно псы, россыпи грозных проклятий и матов.

Помню, как на выходе из Валькиного подъезда мы столкнулись с местным хулиганом — тощим, высоким, года на два старше нас. Вальку он вроде бы знал, и к нему вопросов не возникало, а вот во мне он сразу определил чужака и спросил с соответствующим гонором:

— Ты откеда?

— Из Барнаула, — гордо ответил я.

— Чего? — деланно удивился хулиган. — Из какого еще Барнаула? У вас там что, все барные ходят?

Так и сказал — «барные» — с ударением на последний слог. Он был явно тупым и ничего остроумнее придумать не смог. И меня задело не столько оскорбление несуществующим словом, сколько эта его беспросветная тупость. Уж, казалось, что для него, русскоговорящего обитателя Средней Азии, может быть странным в названии «Барнаул»? Но я за словом в карман не полез и дал достойный, как мне показалось, ответ:

— Подумаешь. А у вас тут Сырдарья. Она что вам сыр дарит? — и искусственно рассмеялся. Валька поддержал мой смех таким же вымученным смешком. После моего лингвистического триумфа хулиган ретировался без боя. Хотя я готовился к худшему.

Но главным нашим с Валькой занятием стало исследование руин. Мы постоянно лазили по окрестным развалинам в поисках неведомо чего. По рассказам Вальки, под бетонными плитами и кирпичами, помимо разнообразных сокровищ, еще покоилось много ненайденных трупов. Не то чтобы мы горели желанием на них напороться. Лично я, напротив, жутко боялся этого, а Валька не боялся, наверное, лишь потому, что в глубине души знал, что никаких трупов там уже давно нет. Ведь со дня землетрясения прошел уже почти год. Скорее мы просто оправдывали свое мародерство благородной поисково-спасательной миссией.

Вальке вообще фантазии было не занимать. Он постоянно рассказывал какие-то фантастические истории. А я верил и не верил одновременно. Так часто бывает в детстве: ты позволяешь товарищу привирать и охотно покупаешься на его байки, поскольку они выводят тебя за пределы обыденности в воображаемый мир, на каждом шагу таящий возможности чуда и приключений. Так и наша реальность наполовину состояла из фантазий и домыслов, в которые мы не столько верили, сколько хотели поверить.

Я постоянно спрашивал Вальку о землетрясении. Как это было? Как гибли и как спасались люди? Он охотно мне отвечал. Когда все началось, мать укладывала его с сестрой спать. Вдруг голова пошла кругом, неистово закачалась люстра на потолке, вылетело стекло из серванта, и на них посыпалась посуда. «Ни одной тарелки в доме не уцелело». Мать поняла что к чему и велела

бежать на улицу. По рассказу Вальки, в их подъезде обрушился лестничный пролет между первым и вторым этажом, и им пришлось прыгать, хоть было и страшно. Вообще, он говорил, первое, что пришло им на ум, — это бомбардировка. Дело в том, что в соседнем городке располагалось секретное производство, добывали уран (что такое уран, мы уже примерно знали в свои восемь лет: дети «холодной войны», мы все жили в ожидании Армагеддона). И они с сестрой всерьез решили, что это враг наносит удары по стратегическому объекту. Они выбежали во двор, кругом царила суцая кутерьма. Их дом, к счастью выстоял, хотя кое-где и пошли трещины, которые позже укрепили металлическими стяжками, а вот соседнему дому не повезло. Конечно, не все руины в городе осыпались в одночасье, как я сначала подумал. Многие поврежденные дома, не подлежащие восстановлению, сносили уже потом. Но все же картины передо мной рисовались ужасные.

Под завалами скрывались целые лабиринты, разрушенные миры и «пещеры». Они становились нашим сомнительным убежищем от солнца и от действительности. Не знаю, что мы рассчитывали найти в этих развалинах помимо всякого грустного хлама — старых ключей и тряпья, покалеченных детских игрушек, сломанных часов и радиоприемников, люстр и разбитой посуды. Может быть, деньги или еще что-то ценное. Но на всем, что нам попадалось, лежала незримая печать смерти и горя. И даже если находилась какая-то целая вещь, необъяснимое отчуждение или брезгливость заставляли нас отбросить ее и продолжать поиски незнамо чего.

Первой находкой, которую решили мы оставить, стала большая лупа — предмет, казалось бы, хрупкий, но на удивление целый. Обрадовавшись находке, мы тотчас вылезли на поверхность к дневному свету, чтобы приступить к испытаниям. Разложили на солнце скомканную газету и сфокусировали на ней луч, проходящий сквозь линзу. Чудо физики не заставило себя долго ждать. Преломленное толстым стеклом изобильное таджикское солнце быстро принялось читать своим огненным зрачком типографские строки и буквально за минуту оставило от них лишь горстку пепла. Мы были в восторге. Я впервые был свидетелем подобного эксперимента, хотя раньше об этом что-то и слышал.

Лупа осталась у Вальки, поскольку именно он заметил ее первым. Он вообще почти все находил первым, ориентируясь в развалинах, будто в родной стихии. Конечно, он давно уже и без меня тут все излазил. Однако следующая ценная находка была обнаружена нами одновременно.

— Смотри! — хором воскликнули мы, когда в пыльной куче под нависшей бетонной плитой заметили что-то блестящее и идеально круглое. Это было еще одним чудом: еще один хрупкий предмет уцелел во всеобщем хаосе разрушения. То был прозрачный хрустальный шар диаметром сантиметров восемь, без единой царапинки. Как ему удалось сохраниться? Одному богу известно. Ну, вообще, это мы так решили, что шар хрустальный. На самом деле, скорее всего он был просто стеклянный. Но какая разница? Очевидно и бесспорно было, что перед нами самый что ни на есть настоящий магический артефакт. Ну а что еще это могло быть, по-вашему? Разве такие предметы подразумевают какую-либо прагматическую цель, какое-либо будничное применение? Я такового не знаю, да и вы, наверняка, тоже. А вот в магии таким штуковинам самое место.

— Мой! — крикнул Валька и схватил шар. — Я первый заметил!

— Почему это ты? — не согласился с ним я. — Я тоже. Я тоже первый заметил.

— Нет, я! — упорствовал он.

— А может быть, я! — настаивал я.

— Да я заметил еще до того, как сказал, — настаивал на своем Валька.

— Ну ладно, — пошел на компромисс я, — будем считать, что мы одновременно его нашли.

— Даже если заметили одновременно, я первый его взял, а значит, он мой, — никак не хотел уступить Валька.

— Ну хорошо, твой так твой, — сдался я. В конце концов, я уже считал Вальку своим лучшим другом и совсем не хотел с ним ссориться. Но, право, не узнавал его. Он весь возбудился, занервничал. Казалось, он был готов драться за этот шар, словно перед ним было «кольцо всевластья». Однако увидев, что я больше

не претендую на «его прелесть», он успокоился, и глаза его заблестели тем хитреньким и вдохновенным блеском, который обычно сопутствовал полету его фантазии.

— Это не простой шар, — сказал он.

— Понятное дело, не простой, — согласился я, не вполне еще понимая, с чем.

— Это магический шар-оракул, — уверенно провозгласил Валька.

— Что значит оракул? — не понял я.

— Это значит, что с его помощью можно делать предсказания, — ответил Валька, — если знать нужные заклинания, в нем можно увидеть будущее или прошлое.

— Да ну, — изумился я.

— А то! Ты, наверно, не знаешь, но в этом доме раньше жила колдунья. А после землетрясения ее тело, кстати, так и не нашли, — развивал Валька свою очередную фантазию.

— Колдунья? Пряма настоящая?

— Конечно, настоящая. А какая ж еще?

— Ну, не знаю... а какая она была?

— Ну, такая... необычная, знаешь, с темными волосами...

— Она русская была или таджичка? — помогал я ему разогнаться.

— Да попробуй ее разбери. Колдунья есть колдунья, — неохотно ответил Валька. — У них, знаешь ли, нет национальности.

Мне вдруг стало страшно от мысли, что где-то здесь под завалами может до сих пор лежить скелет погибшей колдуньи. И руины обрели еще более зловещий контекст, чем прежде.

— Может, пойдем, — предложил я.

Валька согласился:

— Ладно, пойдем. Завтра продолжим поиски.

— Поиски чего?

— Ну как же? Может тут еще кроме шара осталось что-то магическое. Мы ведь не сможем пользоваться шаром, пока не найдем ключи к нему.

— Какие ключи?

— Не знаю, может, где-то сохранились нужные заклинания или еще чего, — пожал Валька плечами.

Мы выбрались на свет божий и принялись разглядывать находку. Штука, определенно, была волшебная. И без всяких заклинаний в прозрачной глубине шара чудились, переливались, блестя невинные тайны. Наверное, при развитом воображении, таком, как у Вальки, в этом шаре и впрямь можно было много чего разглядеть: и будущее, и прошлое, и еще неведь что.

На следующие дни мы продолжали исследование развалин, но больше ничего так и не отыскиали. Постепенно наш энтузиазм сходил на нет, очарование магией уступило место другим, не менее захватывающим детским занятиям. Шар так и пылился у Вальки дома, и я постепенно совсем позабыл о нем. Время шло быстро, и каникулы подходили к концу. Мне было грустно уезжать из таинственного Кайраккума, от синего «Таджикского моря», сочных фруктов, арыков, горлиц, чинар, восточных базаров, таджичек с косичками, стариков Хоттабычей из чайханы и мрачных развалин, скрывающих под собой столько нераскрытых загадок. А особенно грустно было расставаться с Валькой.

Перед нашим отъездом он вышел во двор проводить меня. Наверное, ему тоже было грустно.

— А ты следующим летом приедешь? — спросил он.

— Не знаю, — сказал я, с надеждой посмотрев на маму, — хотелось бы.

— Обязательно приезжай, — сказал Валька.

— Постараюсь, — пообещал я, хотя от меня, конечно, ничего не зависело. И, конечно, в следующем году я не приехал. И вообще больше я не был в Таджикистане и не знаю, доведется ли побывать там когда-то еще. И живет ли там до сих пор мой полузабытый друг Валька.

Когда мы уже садились в такси, Валька подошел ко мне и сунул в руку хрустальный шар:

— Вот, возьми.

— Да ты что! — удивился я. — Нет, я не могу его взять. Он же твой!

— Возьми, это подарок.

— Нет-нет, — сопротивлялся я из скромности и одновременно из суеверного страха перед магической вещью.

— Бери! — твердо повелел Валька. — На память обо мне.

Ну, если на память... Я принял подарок и немного устыдился, что не оставил ему ничего взамен. Мы попрощались, и такси увезло меня в аэропорт. Сидя в самолете, я долго разглядывал Валькин подарок, про себя обещая своему другу, что обязательно отыщу «ключи» от шара, что обязательно мы с ним еще увидимся. И, как знать, думал я, может быть, как раз с помощью этого шара я смогу связаться с Валькой на расстоянии. Кто знает, на что способна эта вещица.

Но прошли годы, и хрустальный шар пропал где-то в дебрях детства, вместе с легковерной детской магией и памятью о моем «лучшем друге», чьего имени я теперь даже не помню. Вместо него в моем распоряжении теперь только хрусталь памяти, в котором пропадает, переливаясь ненадежными бликами и недостоверными образами, прошлое.